

сон— вот что нам осталось, сон—
 сон— первое и последнее и лучшее
 сон— первое и последнее и лучшее
 из всего.
 Певучий народ, поющие рты и поющие
 сердца—
 они должны петь, чтобы жить— когда
 рот не поет,
 разрывается сердце — певуч народ мой.
 («Дорожные команды»)

Собирателем и исполнителем народных песен, Сэндберг в своих стихах широко использует богатство народного языка, ритмический строй американского фольклора. Перевод Сэндберга на русский язык — трудная задача, но переводы И. Кашкина удачно передают неповторимую образность и особенности ритмического рисунка его стихов. В тех же акварельных тонах, что и в оригинале, воссоздается в переводе очарование миниатюр «Белые плечи», «Брошен», «Закат бизонов». Переводчик верно уловил подтекст и нашел слова, чтобы выразить горькую иронию поэта в таких, например, стихотворениях, как «У порога гробницы», «Люкс», «Дым». Афористичность, к которой часто прибегает поэт, строя образ из резких, четких штрихов, в переводе не утрачивает своей выразительности.

Нам кажется, что главная заслуга переводчика и составителя сборника заключается в умелом подборе стихотворений и в тонком понимании стиля поэта.

Сэндберг писал о себе:

Толкуйте, толкуйте,
 Только не отнимайте у меня мой стиль.
 Это мое лицо.
 Может быть, и плохое.

но мое лицо.
 Так я говорю, пою, гляжу, обоняю и ем.
 Я знаю, почему я держусь моего
 стиля.
 («Стиль»)

В предисловии к книге И. Кашкина отмечает многогранность, а порой и противоречивость поэтической манеры Сэндберга, что обусловлено влиянием на него двух разных традиций в американской поэзии —

демократической поэзии Уитмена, с одной стороны, и камерной лирики Эмили Дикинсон, с другой. Говоря о значении поэзии Сэндберга, автор предисловия справедливо указывает, что сейчас Сэндберг является старейшиной молодого поколения прогрессивных американских поэтов. Он как бы передает им эстафету свободолюбивых идей, живущих в американской поэзии со времен ее основоположника Филиппа Френо.

Сэндберг не перестает искать новых путей в поэзии. Он стремится наполнить свои стихи содержанием, отвечающим духу времени и интересам народа. Убежденный патриот, Сэндберг всегда ненавидел войны. С несколькими его стихотворениями, осуждающими первую мировую войну, читатель знакомится в рецензируемом сборнике. Страстный антифашист, Сэндберг в годы второй мировой войны создавал произведения, полные ненависти к врагам и гордости за героев, отдавших свою жизнь во имя счастья людей («Человек с разбитыми пальцами», «Штормы начинаются далеко», «Есть ли легкий путь к свободе?» и другие). Поэт много размышляет о роли и задачах художника в условиях героической борьбы народов против фашизма. Жаль, что в сборник «Стихи разных лет» не вошли эти сильные и выразительные произведения.

Сэндберг — наш современник. Сейчас, как и в годы юности, он с открытым сердцем воспринимает все передовое и откликается на события, волнующие мир. Вернувшись из СССР, Сэндберг рассказал о том огромном впечатлении, которое произвели на него успехи советского народа.

Крупнейший поэт современной Америки стал близок советским читателям. Познакомившись со «Стихами разных лет», они захотят лучше узнать Сэндберга и других современных американских поэтов. А это значит, что цель сборника достигнута.

А. Мартынова

МОЖНО ЛИ ТАК ПЕРЕВОДИТЬ?

□

Мао Дунь. Дневник запутавшейся женщины. «Нева» № 10, 1959.

□

Наш читатель знаком со многими произведениями виднейшего прозаика современного Китая Мао Дуня. Однако немало его романов, повестей и рассказов еще ждут перевода. В их числе один из наиболее значительных романов писателя «Разложение», созданный в 1941 году, во время войны с японским империализмом.

Роман написан в форме дневника молодой женщины, в силу обстоятельств став-

шей сотрудницей гоминдановской охраны. Вокруг себя она видит интриги и коррупцию, преследования патриотов и попустительство коллаборационистам. В ней растет отвращение к преступной работе, которую она вынуждена выполнять.

Смелость обличения террористического режима клики Чан Кай-ши сочетается в романе с напряженным развитием действия и глубоким проникновением в душу героини. Не идеализируя Хуэй-мин писатель показывает, как под впечатлением встречи со своим прежним возлюбленным, попавшим в охранку и замученным там, и под влиянием знакомства с его соратниками по освободительной борьбе в ней поднимается ненависть к тирании и стремление отомстить

палачам. Последние записи дневника позволяют читателю надеяться, что героиня найдет в себе силы встать на новый путь — путь искупления своей вины перед народом.

Несомненные достоинства романа Мао Дуня делают вполне понятным решение журнала «Нева» познакомить с ним читателя хотя бы — учитывая довольно значительный объем книги — в сокращенном виде (перевод Б. Вахтина и Н. Зыкова).

В десятом номере за 1959 год журнал предлагает русскому читателю композицию отрывков из романа, объединенных под общим названием «Дневник запутавшейся женщины». В ней воссоздается только одна сюжетная линия: история героини и ее арестованного друга. Об остальных важных эпизодах романа, в том числе и его завершающей части, читатель не узнает ничего. В приведенных же отрывках сделаны бесчисленные и никак не оговоренные купюры: выброшены не только целые страницы и аб-

зацы, но и отдельные фразы и даже части фраз, а оставшиеся части произвольно склеены воедино. В результате русский текст зачастую нельзя даже назвать переводом. Это вольный и весьма приблизительный пересказ. Ясно, что о сохранении художественной ткани произведения не может быть речи.

Но что говорить о воспроизведении стиля и художественной манеры автора, если буквально с первых строк перевода наталкиваешься на грубые искажения смысла подлинника, свидетельствующие о крайней небрежности переводчиков. Их не смущают даже явные несообразности, к которым приводят допущенные ошибки. Так, если верить переводу, героиня упрекает своего бывшего возлюбленного Чжао в том, что он бросил ее с ребенком, называет его подлоем, безмозглой тварью и в то же время дает его имя своему сыну (стр. 58—59). Приходится догадываться: то ли она этим

КОРОТКО О НОВИНКАХ

ИТАЛЬЯНСКИЕ СКАЗКИ. Обработка Итало Кальвино, иллюстрации В. Милашевского. Москва, Гослитиздат, 1959. 207 стр.

Можно без преувеличения сказать, что в нашей стране издаются сказки почти всех народов мира. И лишь итальянским сказкам издательства наши до самого последнего времени не уделяли достаточного внимания.

В самой Италии многие годы существовало ошибочное мнение, что народные итальянские сказки и легенды в большинстве своем носят подражательный характер. Арабский Восток, Греция и Албания бесспорно были теми живительными струями, которые питали неиссякаемый родник итальянских народных сказок. Однако и эти в известной мере подражательные сказки, передаваясь из уст в уста, из поколения в поколение, постепенно менялись, приобретали своеобразную национальную окраску.

В конце девятнадцатого века общими усилиями Питре, Компаретти,

Томмазо, Имбриани, записавших со слов народных сказителей десятки тысяч сказок, легенд и песен Сицилии, Тосканы, Венеции, Романьи, Сардинии, миф о бедности и неоригинальности итальянского фольклора был окончательно развеян. Однако наличие в стране множества заметно отличающихся друг от друга диалектов не позволяло познакомить широких читателей со всем богатством итальянского фольклора.

Известный итальянский писатель Итало Кальвино, бережно собрав и обработав двести сказок различных областей страны, впервые перевел их на литературный итальянский язык, доступный почти каждому грамотному итальянцу. Ему, тонкому стилисту и знатоку фольклора, удалось при обработке этих сказок сохранить всю красочность, своеобразие и сочность народной речи.

Для перевода на русский язык было отобрано тридцать девять сказок. Среди них есть такие, в которых с большой силой отразились антифеодальные и антирелигиозные настроения простых людей, их свободолюбие, мужество, идущие от чистого сердца щедрость и доброта. Особенно примечательна в этом отношении открывающая сборник сказка «Борода графа». В богатейшем фольклорном наследии всех стран, пожалуй, немного найдется сказок, где бы так зло, с неприкрытой ненавистью была изображена жадная, способная ради денег на любую подлость знать. Несколькими натуралистически, с грубоватым юмором, но при этом не менее зло и едко высмеяно алчное и лицемерное духовенство в сказке «Дар Северного Ветра». Таких сказок в маленьком сборнике наберется добрый десяток. Первый опыт издания итальянских сказок на русском языке в целом безусловно можно считать удачным.

Л. Вершинин

мстит Чжао, то ли наказывает ребенка за грехи отца. Но будь переводчики чуточку внимательнее, они увидели бы, что все обвинения Хуэй-мин адресованы другому, не названному по имени человеку, который «вошел в ее жизнь после разрыва с Чжао». А к Чжао она, как явствует из всего романа, продолжала относиться с уважением и любовью.

В другом месте (стр. 76) мы читаем о разгроме вооруженных сил противника и о коммунике военного министерства, в котором оно заявило, что «полная и окончательная победа отныне обеспечена». Во избежание сомнений, это место сопровождается примечанием: «Имеется в виду одна из удачных операций гоминдановских войск против армии японских агрессоров». Почему же так «оживились» деятели охраны, которых меньше всего интересует война с Японией? Обращаемся к оригиналу — там нет ни разгрома японских войск, ни ком-

мюнике военного министерства. Там говорится, что «принято решение» уничтожить войска «иной партии» (то есть вооруженные силы, руководимые коммунистами) и что «военные приготовления закончены».

Совершенно ясно — и дальнейшее изложение подтверждает это, — что речь идет о подготовке провокационного нападения на Четвертую армию, имевшего место в январе 1941 года.

Поразительно, сколько ошибок умудрились сделать переводчики. Под их пером церковь превратилась в школу, спекулянт, скупающий дефицитные товары, в... склад, а влажные глаза Жун — в светлые (где и когда переводчики встречали светлоглазую китайку?).

Впрочем, иногда искажения объясняются не непониманием, а стремлением «усилить» подлинник. У автора — «прикоснулся к руке», а у переводчиков — «обнял и чуть-чуть привлек к себе». Героиня говорит:

КОРОТКО О НОВИНКАХ

АВСТРИЙСКАЯ НОВЕЛЛА XIX ВЕКА. Переводы с немецкого. Составление, вступительная статья и комментарии Т. Путинцевой. Москва, Гослитиздат, 1959. 700 стр.

Этот обширный сборник открывается новеллами виднейшего австрийского писателя и драматурга Франца Грильпарцера, который в условиях жестокой феодально-абсолютистской реакции утверждал любовь и уважение к народу-труженику, поднял свой голос в защиту прав маленького человека. Новелла «Бедный музыкант» — о трагической судьбе нищего скрипача — поражает умением писателя глубоко проникнуть во внутренний мир героя.

В коротеньких новеллах талантливого юмориста и сатирика Морица Зафира или «новеллетах», как называл их сам писатель, с беспощадной иронией высмеиваются самые различные стороны мещанского, филистерского быта. Перед читателем проходят ярко очерченные образы ничтожных людишек: стяжателей-чиновников, свет-

ских бездельников, людей-автоматов, «у которых нет собственного вкуса».

Бытописатели деревни Людвиг Анценгрубер и Петер Розеггер в своих новеллах умело сочетают занимательный сюжет с глубоко правдивым изображением тяжелой, беспросветной жизни австрийского крестьянства.

Адальберт Штифтер — один из крупнейших западноевропейских мастеров исторической новеллы. В его произведениях художественный вымысел переплетается с историческими фактами, а знание описываемой среды соединяется с острой драматичностью, с тонким психологизмом. Для творчества писателя характерна включенная в сборник новелла «Старая печать», рассказывающая о большой человеческой любви. В ней даны широкие социальные обобщения: писатель говорит о войне и мире, о

судьбах нации, об ответственных моральных догмах, которые калечат человеческие жизни.

Из других писателей, представленных в сборнике, прежде всего следует отметить проникнутое гуманными идеями (хотя и несколько сентиментальное) творчество М. Эбнер-Эшенбах и правдивые рассказы из жизни австрийских рабочих и ремесленников Якоба-Юлиуса Давида.

Книга австрийских новеллистов и предпосланная ей обстоятельная статья Т. Путинцевой убедительно доказывают несостоятельность взглядов некоторых буржуазных литературоведов, рассматривающих австрийскую классическую литературу как подражательную, как часть общегерманской национальной культуры.

Большой труд проделали переводчики книги. Особо хочется отметить прекрасные переводы А. Кулишер, а также Т. Аверьяновой и Д. Каравкиной.

И. Макаров

«Сегодня я предчувствую, что обязательно отыщу Чжао. Это несколько странно, потому что еще вчера такого ощущения не было». Переводчики «развивают» эту мысль: «Удивительно, как быстро у меня одно предчувствие сменяется другим, одно настроение — противоположным...»

Думается, что нет нужды умножать количество примеров. Вывод ясен и так: хороший замысел редакции «Нева» осуществлен,

к сожалению, плохо. Досадно видеть под таким переводом имя молодого китаиста Б. Вахтина, зарекомендовавшего себя рядом удачных работ.

Остается пожелать, чтобы наш читатель получил возможность познакомиться с интересным романом Мао Дуня в полном и не искаженном виде.

В. Сорокин

НОВАЯ ВСТРЕЧА С ТОМАСОМ ГАРДИ

□
Томас Гарди. Повести и рассказы. Переводы с английского под редакцией О. Холмской. Москва, Гослитиздат, 1959.

□
Гослитиздат порадовал советских читателей выпуском книги избранных повестей

и рассказов классика английской литературы Томаса Гарди.

Гарди приобрел мировую известность как автор цикла уэссекских романов, объединенных единой тематикой и единой философской концепцией. Однако, чтобы получить полнее представление об этом своеобразном писателе, следует познакомиться и с его философской лирикой, и с эпической драмой, и с его повестями, и с расска-

КОРОТКО О НОВИНКАХ

ДЖ. ГАССНЕР. Форма и идея в современном театре. Перевод с английского. Москва, Издательство иностранной литературы, 1959. 255 стр.

Почему так трудно представить себе современный западный театр как нечто единое, целое?

Строгий реализм — рядом с яркой условной театральностью, символизм — с грубым натурализмом, истинное новаторство и верность великим традициям — с мертвой схоластикой эпигонов, с извращенными формальными изысками модернистов... Где же проходит рубеж подлинного искусства современности? Как вырисовывается оно на пестром фоне этих причудливых контрастов сегодняшнего дня, и где пролегал его большая дорога в будущее? Эти волнующие сейчас многих вопросы и ставит в своей книге известный американский теоретик и историк театра Джон Гасснер.

Большое искусство всегда черпает свои силы в реализме, в связи с прогрессивными тенденци-

ми современности. Таков главный тезис, развитие которого проходит через всю книгу Гасснера. Отсюда ее острая актуальность и убедительность выводов автора, рассматривающего многие сложные проблемы современного театрального искусства.

Но многочисленные течения в современном искусстве не просто сосуществуют, эклектически заимствуя друг у друга отдельные элементы, как полагает Гасснер, они развиваются в жестокой борьбе передового с реакционным. Недооценка значения этой борьбы придает картине современного театра у Гасснера некоторую статичность и фрагментарность. Мешает автору и отсутствие четкой грани между понятиями художественного метода и стиля, что неизбежно приводит к несколько односторонней сосредоточенности на чисто фор-

мальных моментах.

Гасснер подробно останавливается на творчестве многих мастеров современного театра и драмы — америка н с к и х, французских, немецких, английских, а также и советских: Станиславского, Мейерхольда, Вахтангова, Охлопкова, которым он дает высокую оценку. Однако недостаточно ясное понимание принципиальных различий между задачами искусства в мире буржуазном и в мире социалистическом мешает талантливому исследователю полностью оценить особенности и значение творчества этих мастеров советского театра.

Книга охватывает большой и разнообразный материал, талантливо и с большим литературным мастерством изложенный автором. И это делает ее, несмотря на специфический характер поставленных в ней проблем, интересной не только для специалистов, но и для широкого читателя.

Л. Щепилова